

Любовь СИДОРОВА*

СЛОВАРЬ ТОТАЛИТАРИЗМА: К АВТОБИОГРАФИИ ТЕРМИНА В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Писать о языке тоталитарного режима — все равно, что говорить обо всем сразу. Поэтому будучи ограниченной рамками этой статьи, я решила проследить за содержательным развитием термина-понятия «тоталитаризм» на материалах американской политологии.

Моя статья не носит ярко выраженного оценочного характера (хотя сама оценка уже содержится в подходе и «подаче» материала). Оценку дают те немногочисленные американские авторы, к работам которых необходимо было обратиться, чтобы сделать свой подход к исследуемой теме дискурсивным, т.е. содержащим размышления обеих сторон. Обращение к анализу функционирования в языке термина «тоталитаризм» позволяет сделать вывод, которого желательно придерживаться на протяжении всего прочтения статьи: сам по себе термин «тоталитаризм» — нейтрален и используется для описания режимов с такими-то и такими-то социальными и политическими характеристиками. Отрицательную или положительную коннотацию он получает исключительно и благодаря контексту, который употребляется мной в широком значении, а также идеологическому моменту, без которого, как известно, не существует политической деятельности.

В связи с меняющимся мировым порядком феномен тоталитаризма привлек к себе небывалый интерес всей мировой научной общественности: к его анализу обратились политологи, философы, государственоведы, социологи и ... даже театроведы. Высказывались разные точки зрения о существе и разнообразных формах его проявления, но все они, кажется, сошлись в одном — в признании тоталитаризма явлением мировым, историческим, развивающимся, а потому наблюдаемым в своем процессе. Такая его черта, как процессуальность, позволила участникам дискуссии о тоталитаризме, состоявшейся в Институте философии АН СССР¹, сделать вывод о том, что этот феномен тоталитарным по существу не является, так как по-настоящему тоталитарное общество неизбежно стагнирует, а поскольку наблюдается развитие, то тоталитарности — нет. В ходе этой дискуссии также отмечалось, что «тоталитаризм» — это тенденция, движение «в точку тоталитаризма», «способ существования власти», «специфический тип мышления», разновидность «авторитарного сознания». В предисловии к опубликованным материалам этой дискуссии главный редактор сборника А. А. Кара-Мурзы отметил, что «популярный нынче термин «тоталитаризм» рискует пополнить длинный ряд словесных штампов понятий-призраков, не столько проясняющих, сколько, напротив, затемняющих истинный смысл исследуемой эпохи»².

Анализ дискурсивного измерения социального феномена «тоталитаризм» следует проводить, на мой взгляд, в двух направлениях. К первому я бы отнесла статический, представляющий собой некоторый синхронный срез этого термина и развитие дочерних понятий, относящихся к этому термину. Это «горизонтальная гносеология». Ко второму направлению соответственно можно было бы отнести динамический аспект анализа, его историческую, вертикальную «онтологию».

* Институт государства и права АН СССР. 119841 Москва, ул. Фрунзе, 10.

¹ Тоталитаризм как исторический феномен. Москва, 1989.

² Там же, 5.

Учитывая все сказанное выше, приступим к анализу термина «тоталитаризм».

Начну хотя бы с нескольких определений тоталитаризма, которые даются в толковых словарях. Например, в Энциклопедическом словаре 1982 г. издания записано: «Тоталитаризм (от позднелатинского *totalis* — весь, целый, полный) — одна из форм авторитарного буржуазного государства (тоталитарное государство), характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества. Также направление буржуазной политической мысли, оправдывающее этатизм, авторитаризм; с 20-х гг. 20 века стал официальной идеологией фашистской Германии и Италии. Вместе с тем понятие тоталитаризма употреблялось буржуазно-либеральными идеологами для критической оценки фашистской диктатуры. Начиная с периода «холодной войны» активно используется антикоммунистической пропагандой по отношению к социалистическим государствам, которые клеветнически отождествляются с «тоталитарными режимами» и противопоставляются «демократическому», «свободному» обществу»³.

Это т. н. расширительное толкование понятия, начинающееся с лингвистического уровня — позднелатинского «*totalis*».

Интересно, что в Современном словаре английского языка⁴ «тоталитаризм» понимается как «практика и принципы тоталитарного государства». А в словарной статье «тоталитарный» речь идет о политической системе, в которой один человек или политическая партия «контролируют идеологию и действия, не допуская существования оппозиционных партий». В «Тезаурусе Роже»⁵ термин «тоталитаризм» описывается следующими видовыми понятиями, иерархическими рядами синонимов (конкретными и абстрактными существительными, метафорами):

описывающие систему —
«жесткость» — severity
«негибкость» — hardness
«дисциплина» — { authority
«сильная рука» — {
«драконовские законы» — dragonish laws
«ограничения» — restraints
«пуританизм» — prudery
«жестокость» — pitilessness
«бесчеловечность» — inhumanity
«грубая сила» — brute force
«насилие» — violence
«деспотизм» — despotism
описывающие правителя —
«тиран» — tyrant
«автократ» — autocrat
«монстр» — monster
описывающие признаки системы —
«строгий» — severe
«формальный» — formalistic
«неубеждающий» — disapproving
«негибкий» — obstinate
«жестокий» — pitiless
«авторитарный» — authoritarian
«доминирующий» — insolent
«фашистский» — fascist

³ Советский Энциклопедический Словарь. Москва, 1982, 1355.

⁴ Longman Dictionary of Contemporary English. Great Britain, Longman Group, 1981.

⁵ Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. New Edition. Great Britain, Penguin Books, 1977.

«коммунистический» — communist
«антидемократический» — antidemocratic
«недемократический» — undemocratic
«управляемый» — governable
«подавляющий» — oppressive
«несправедливый» — unjust
«тиранический» — tyrannical
«деспотический» — despotic
«кровавый» — bloody
«жестокий» — brutal
описывающие действия и качества системы —
«быть жестокой» — to be severe
«быть безжалостной» — to be pitiless
«подавлять» — to oppress
«наказывать» — to punish
«терроризировать» — to terrorize
«преследовать» — to persecute
«не-управлять» — to misgovern
«мучить» — to torture
«уравновешивать» — to weigh

Очевидно, что даже такой словарь-минимум дает представление о политических системах, называемых тоталитарными.

Американские исследователи феномена тоталитаризма (например, А. Арэнд, Д. Дьюи) отмечают, что термин «тоталитаризм» возник еще в 20-е годы нашего столетия и использовался итальянскими антифашистами; позднее он оказался подхваченным Муссолини. Относительно корректности такого утверждения можно было бы поспорить, так как уже древней истории были известны политические режимы, называемые тоталитарными, или политические режимы с тоталитарными чертами. Другое дело, как они назывались. Энциклопедические словари свидетельствуют об использовании этого термина в описании Древнего Рима.

Известный английский философ Б. Рассел в своей монографии «Власть: новый социальный анализ», опубликованной в 1938 г., пишет об архаическом тоталитаризме, под которым он понимает явление обожествления государства в Древнем Риме⁶. Синонимом «архаического тоталитаризма» выступает «старомодный, традиционный» тоталитаризм Лакера⁷. У. Лакер в своей известной статье интерпретирует этот тип тоталитаризма как режим, которому не было свойственно использование, скажем, пропаганды и других средств социального контроля (которыми отличаются современные тоталитарные режимы), включая террор, в той степени, в которой они были поставлены на службу последователями тоталитаризма архаического типа. «Архаический тоталитаризм» Рассела выглядит почти синонимичным «традиционной диктатуре» Лакера с такими неотъемлемыми характеристиками, как отсутствие мобилизации масс (политическая пассивность), монопольное положение партии-государства, первичная роль идеологии. Одной из важных характеристик «архаического режима» является отношение к правопорядку, который «тотально» отрицается всеми последователями «архаического тоталитарного» режима.

Однако вернемся к 20-м годам нашего столетия. Американский политолог Э. Глисон⁸ в своей статье, посвященной ретроспективному ана-

⁶ *Laquer, W.* Is there now or has there ever been such a thing as totalitarianism? — *Commentary* (New York), 1985, 80, N 4, October, 29—35.

⁷ Там же.

⁸ *Gleason, A.* Totalitarianism in 1984. — *The Russian Review* (Ann Arbor), 1984, 43, N 2, April, 145—160.

лизу истории формирования концепции тоталитаризма и юбилею издания книги Дж. Оруэлла «1984 год», также отмечает, что термин «тоталитаризм» был первоначально введен теоретиками фашизма Дж. Джен-тиле и А. Рокка, хотя он в своей работе намеренно избегает анализа истоков формирования этого понятия в истории древних государств. Под термином «тоталитаризм» Дж. Джентиле понимал тотальный, всеобщий, всеобъемлющий охват фашистской доктрины, которая связывает себя с волей, мыслью и чувством нации, а А. Рокка — «абсолютную монополию власти». В 1925 г. Муссолини говорит о «свирепой тоталитарной воле». В 1928 г. противник фашизма Ф. Турати называет непомерные притязания фашистского государства в Италии «тоталитарными». В 30-е годы этот термин используется в Германии такими нацистскими писателями, как Э. Югер и К. Шмидт.

У. Лакер также указывает, что к середине 30-х годов различные «экспансионистские» оттенки этого понятия сливаются воедино и формируют термин, который обозначает «принципиально новый тип государства», явно ассоциируемый с фашистской диктатурой в Европе.

«Современный тоталитаризм» 30-х годов Рассела характеризуется как «поразительный», поскольку отличается беспрецедентной экономической и политической властью, которая как путем рекламы, так и с помощью использования киноиндустрии, средств массовой информации осуществляет «деспотический контроль», становящийся гораздо более тотальным, чем когда-либо в прошлом.

«Тоталитаризм» 40-х годов — это синоним фашизма и коммунизма одновременно, это умышленная понятийная путаница, семантическая неразбериха, затеянная в условиях идеологической конфронтации. Подтверждение этой мысли можно найти у У. Лакера, который подчеркивает противоречивость понимания этого термина с позиций идеологического спора, касающегося политики, например, США по отношению к возникшему социалистическому блоку: в условиях идеологического раскола все государства должны быть четко расклассифицированы, обозначены и названы.

На пороге 50-х годов, в преддверии времен «холодной войны» тоталитаризм как основной термин политического (и теперь уже советологического) языка превратился в концептуальный инструмент научного анализа (теоретическое «оружие» холодной войны). С его помощью любой режим, получивший 99% голосов на выборах и имеющий целью своей внутренней политики тотальный контроль и абсолютную власть, называется тоталитарным.

Приблизительно такое же определение тоталитаризма, как отмечает У. Лакер, в это время можно найти и у Х. Арендт в работе «Происхождение тоталитаризма» и у К. Фридриха и З. Бжезинского в работе «Тоталитарная диктатура», опубликованных соответственно в 1951 и 1957 гг.

В 60-х годах концепция тоталитаризма (и соответственно понятие тоталитаризма) претерпела вынужденные изменения. Направленная на изучение «социалистических» режимов и, в частности, Советского Союза она оказалась в тупике: появилось нечто такое, что не поддавалось научному и даже не-научному анализу и тем более четкому определению. Х. Арендт назвала тоталитаризм 60-х годов «коммунистическим», хотя позже признала, что это также плод научных фантазий. Социальное и государственное образование в Восточной Европе, названное «тоталитарным государством», «либо уже не существовало на свете, либо же, по всей вероятности, вообще никогда не существовало»⁹. Х. Арендт вторят

⁹ Laquer, W. Is there now, 30; см. также: Cohen, S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917. New York, Oxford University Press, 1985, 21—22.

и другие ее американские коллеги, которые в то же самое время приходят к заключению, что тоталитарного государства вообще, видимо, не существовало, а т. н. тоталитарное государство было вообще не тоталитарным и не государством, поэтому термин «тоталитаризм» является теоретическим изобретением советологов и не совсем точно отражает содержание подобных режимов. Из этих рассуждений действительно можно сделать вывод, что тоталитаризм как концепция анализа систем, отличающихся по своей социальной сути от анализирующей системы, превратился в 60-х годах в инструмент идеологических споров, соответственно исказив свою семантическую сущность. Объективное познание этого явления отошло на второй план.

В это же время американский политолог А. Паддингтон, прослеживая закономерности развития тоталитарных режимов в разных районах земного шара, писал о чертах, их роднящих (главным образом его характеристика касалась государств Юго-Восточной Азии): «...перевоспитание тех, кто отказывается подчиняться или чье социальное происхождение находится под подозрением, широкая сеть концентрационных лагерей, обеспечивающая рабским трудом выполнение планов общественных работ, направленных на создание инфраструктуры нового общества, враждебное отношение к частной собственности, включая право личной собственности на жилище и право обладания несколькими головами скота в личном пользовании, преследование церкви, преобразование независимых профсоюзов в контролируемые государством организации типа трудового фронта, образование по месту жительства комитетов бдительности, порабощение не вписывающихся в новую структуру национальных меньшинств с последующими репрессиями в отношении них, включая высылку»¹⁰. Это пространное описание общества подходит под понятие, установившееся в этот период, — «крайне тоталитарный режим», «крайне тоталитарное общество», основу которого составляет вездесущая кадровая организация, это же и образец «неуклонной тоталитаризации».

В 80-х годах на страницах американской политологической литературы применительно к тоталитаризму появился термин «абсолютная диктатура», подчеркивающий на самом деле один из основных неизменных ее признаков — «абсолютную власть», что является, по мнению американских исследователей, началом «распада всемогущего государства». Даже по внешнему лингвистическому пласту нетрудно заметить перемещение фокуса политологических и идеологических споров с уровня называния политических режимов на уровень их содержательного описания в абстрактных терминах (существенно, что при этом используются такие пары понятий, как диктатура — демократия, деспотизм — свобода). Подобный переход на иной «коммуникативный» уровень — уровень политических абстракций — создает широкий диапазон для политических интерпретаций, манипулирования концептуальными понятиями. Интерпретация, как известно, субъективна, личностна, потому что имеет дело со сложным механизмом преобразования значения в смысл, персональной эмотивностью. Кроме того, в теории коммуникации подобный переход с одного коммуникативного уровня на другой чаще всего объясняется «исчерпыванием» ресурсов одного коммуникативного уровня без достижения целей коммуникации. Так и в случае с тоталитаризмом: всякий раз происходит переход на новый «интерпретационный коммуникативный уровень», так как явление вроде бы объективно не исчезает, но изменяется точка зрения на него.

70—80-е годы нашего столетия ознаменовали трансформацию «то-

¹⁰ Puddington, A. Totalitarianism today. — Commentary (New York), 1984, 78, N 6, December, 37.

талитаризма» в «авторитаризм», что потребовало некоторого изменения квалификационных признаков. По мнению политического социолога Дж. Ланца, к ним следовало бы отнести, по крайней мере, три основных: ограниченный/неограниченный политический плюрализм, центральное/периферийное место идеологии, участие/неучастие масс в политической жизни (т.н. политическое участие) плюс концентрация власти в руках одного политического лидера. При наличии этих основных признаков подобные режимы могли бы быть названы «посттоталитарным авторитаризмом», «авторитарно-бюрократической олигархией», «нерастающим тоталитарным айсбергом» по Лакеру, или режимом с «тоталитарным языком», или «зрелым развитым», возможно, даже «рациональным, современным тоталитаризмом», «современной версией бюрократической автократии», или даже «нечто»... Кроме того, в этом непросто «мире» понятий тоталитарных режимов появились режимы, названные «отрицающие самих себя».

Существенно, что американские политологи описывают тоталитарные режимы как «режимы контроля за всеми сферами социальной жизни и базирующиеся на трех монополиях: в области организации, информации и принятии решений», как режимы, названные «отрицающим себя тоталитаризмом», «эродированным тоталитаризмом»¹¹, который полностью отождествляется с *Ostpolitik* — восточной политикой. В мировой классификации политических систем с чертами тоталитаризма появилось обозначение этого класса социально-исторических явлений как «самой зверской, высоко мобилизованной и технологически бесцеремонной категории государств» с господством «тоталитарной личности» (по определению Т. Адорно), для которой свойствен монофилический характер когнитивных процессов («либо так, либо сяк», «тот, кто не с нами, тот против нас») ¹².

Важно отметить, что в современной американской политологии тоталитарные режимы именуется «разноцветными», чем подчеркивается их неоднородность. Кроме того, они описываются такими коннотативно-оценочными прилагательными, как «крайний», «свирепый», «неуклонный», «отрицающий себя», «бесцеремонный», «зверский». Можно продолжить ряд сниженных прилагательных с отрицательной коннотацией и убедиться в том, что создаваемые лингвистическими средствами политические образы режимов являются, по существу, средствами манипулирования общественным сознанием и подготовки необходимой идеологической платформы для восприятия информации. Известно, что человеческий разум противится понять неизвестное, потому что оно не всегда познается в схеме известных представлений, в структуре знаний, добытых привычным способом. Поэтому и появляются «самые зверские, высоко мобилизованные и технологически бесцеремонные категории государств» как пример оценочного политического мышления, как «образ врага», тормоза общественного прогресса в «глазах» элитных стран. Анализ режимов этой категории государств, возможно, действительно трудно осуществить, особенно для тех, кто смотрит на них со стороны и чаще всего не понимает логики их развития, имеющей к тому же глубокое историческое и культурное измерение. Л. Лакер, прекрасно осознавая суть дела, в 1985 г. писал, что «проблема заключается отнюдь не в том, чтобы подогнать какую-либо страну под известную кон-

¹¹ *Kuron, J. Overcoming totalitarianism. — Democracy (Washington), 1990, Winter, 72—75.*

¹² См.: Осмыслить культ Сталина. Москва, 1989.

цепцию» в целях классификации» (хотя именно классификацией, категоризацией занимается «познающий разум» — Л. С.), так как определение понятия никогда не бывает «абсолютно совершенным» даже в ботанике и зоологии, не говоря уже о мировой политике...»¹³ Основной задачей поэтому, по его мнению, является «достижение более глубокого понимания сущности характера определенных политических режимов и направления их вероятного развития»¹⁴, а не нахождение простых формул их описания.

Современная американская политология изобилует приемами телеологии и метафоризации, с помощью которых изобретаются все новые и новые названия режимов тоталитарного типа. Например, появились такие термины, как «неофеодализм», «авторитаризм государства всеобщего благосостояния», «неудавшийся тоталитаризм», «институциональный плюрализм», «ограниченный плюрализм». С. Коэн¹⁵, делая по этому поводу замечания в одной из своих работ, отмечал следующие особенности терминологического словаря тоталитаризма: несостоятельность строгого научного терминологического анализа и свободная содержательная интерпретация политических режимов, названных когда-то тоталитарными. Они дали основания С. Коэну утверждать, что концепция тоталитаризма в американской политологии 70-х годов превратилась в направление аналитического ревизионизма. Обратимся снова к словарю тоталитаризма этого периода. Какие же термины мы встречаем? Начинают терминологический ряд «откровенный абсурд», «совокупность приемов и откровенных форм господства». Я. Кершоу вносит в него свои дополнения: «общество тоталитарного характера», «общество с новой технологией господства», «единственно динамичная идеология», «монопольное притязание по отношению к обществу», «преходящие фазы крайней нестабильности режимов», «неустойчивые структуры господства», «зрелый тоталитаризм без наличия излишнего террора»¹⁶.

Итак, основные термины «тоталитарного» языка образуют следующие «кусты» (определения к ним даются слева):

архаический тоталитаризм	традиционный старомодный традиционная диктатура фашистская диктатура современный тоталитаризм	монополия партии-государства, отсутствие мобилизации масс, вторичная роль идеологии
тоталитаризм как принципиально новый тип государства		беспрецедентная экономическая и политическая власть, деспотический контроль, широкое привлечение средств массовой информации

¹³ Laquer, W. Is there now, 34.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Cohen, S. Rethinking the Soviet Experience, 22.

¹⁶ Kershaw, J. The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation. Ch. 2. The Essence of Nazism: Form of Fascism, Brand of Totalitarianism or Unique Phenomenon? London, Edward Arnold, 1985, 18—41.

тоталитаризм как
устоявшийся полити-
ческий режим

авторитаризм

господство грубой си-
лы, отсутствие сопер-
ничества между поли-
тическими партиями и
ценностями, никаких
связей с народом, без
социальной структу-
ры, 99% голосов из-
бирателей, абсолют-
ная власть, тотальный
контроль

абсолютная диктатура
общество тоталитарно-
го характера
общество с новой тех-
нологией господства
неуклонная тоталита-
ризация

монопольное притя-
жение по отношению
к обществу

единственно динамич-
ная идеология

коммунистический
крайний
неуклонный
зрелый
развитый
рациональный
отрицающий себя

центр, периферия

институциональный
плюрализм

ограниченный плюра-
лизм

зрелый тоталитаризм
без наличия излиш-
него террора
нерастаивший тотали-
тарный айсберг

тоталитаризм как
распадающийся
режим, как режим,
не поддающийся
определению

посттоталитарный ав-
торитаризм, автори-
тарно-бюрократиче-
ская олигархия, авто-
ритаризм государст-
ва всеобщего благо-
состояния

неофеодализм
неустойчивые струк-
туры господства
откровенный абсурд
совокупность приемов
и откровенных форм
господства
ничто

Терминологические «кусты» выделяются по трем темам — характер власти, характер управления и характер контроля — и отмечаются наращением значения понятия. Включенные в словарь термины-понятия содержат также оценочные компоненты, которыми являются, большей частью, прилагательные, а также существительные, употребляемые в качестве метафор.

Представил П. Варес

Поступила в редакцию
15/I 1991

Ljubov SIDOROVA

TERMINI TOTALITARISM KASUTUS AMEERIKA POLITOLOOGIAKIRJANDUSES

On tehtud katse rekonstrueerida termini *totalitarism* arengulugu Ameerika politoloogide W. Laqueri, A. Gleasoni, A. Puddingtoni ja S. Coheni tööde põhjal. Uurimus on aktuaalne interdistsiplinaarsest käsitlusaspektist.

Totalitarismi kui sotsiaalse nähtuse diskursiivse analüüsi üks aspekte on tema tõlgenduslik vaatlus, mis jälgib termini *totalitarism* tähendust kindlas ajaloolises lõikes ja poliitilises kontekstis. Termini eri tähenduste kõrvutamine võimaldab määratleda tema tõlgendamise laadi ja viimase muutumist. W. Laqueri arvates on see tähtis totalitaarsetest režiimidest arusaamiseks, nende arengu prognoosimiseks, samuti analüütikute ja praktikute neisse režiimidesse suhtumise mõistmiseks. Seejuures on vaja arvestada neile poliitilistele režiimidele antud määrangute ebatäpsust ja mittetäielikkust.

Vana-Rooma poliitilisele režiimile iseloomulik vanamoeline ja arhailine totalitarism kehastub ümber 1920. aastate Mussolini absoluutseks võimumonopoliks ja metsikuks totalitaarseks tahteks. 1930. aastatel võtab ta printsiipsaalselt uut tüüpi riigi kuju. 1940.—1950. aastatel leiab totalitarism kui Ameerika poliitilise keele põhitähtsust tõlgendamist laiaulatuslikult ja teda kasutatakse ühtede või teiste totalitaarsete tunnustega režiimide üksikasjaliku iseloomustamisel. 1960. aastate totalitarismi määratletakse kui kommunistlikku režiimi; teda peetakse teaduslike uuringute ning teoreetiliste leiutiste viljaks ja seetõttu semantiliselt ebakorrektselt kirjeldatavate režiimide suhtes. Poliitilises keeles säilib termini konnotatiivne värving, mida fikseerivad väärtushinnangut andvad laiendid (äärismisel totalitaarne režiim).

1980. aastatel perifraseeritakse ja moderniseeritakse termin *totalitarism* ning selle asemel käibivad nimetused: posttotalitaarne autoritarism, ratsionaalne kaasaegne totalitarism, bürokraatliku autokraatia kaasaegne versioon, ennast eitav autoritarism, erodeerunud totalitarism, piiratud pluralism, institutsiooniline pluralism, ebaõnnestunud totalitarism. On loomulik, et totalitarismi tänapäevases leksikast langeb üha sagedamini välja termin *totalitarism* ning totalitaarsete tunnustega režiimid muutuvad «totalitaarse iseloomuga ühiskonnaks», «uue tehnoloogilise ülevõimuga ühiskonnaks», aga ka «küpseks totalitarismiks ilma liigse terrorita».

Termini *totalitarism* arenguloo põgus analüüs lubab koostada totalitarismi minisõnastiku tesauruse põhimõttel. Terminipesad joonestuvad välja kolme teema põhjal: võimu iseloom, valitsemise iseloom ja kontrolli iseloom. Sõnastikku võetud terminid sisaldavad samuti hinnangulisi komponente; need on enamasti adjektiivid, ent ka substantiivid, mida kasutatakse metafoorselt. Totalitaarse režiimi olemuse tõlgendamisel ajaloolises perspektiivis peegelduvad väärtusorientatsioonid ja -hinnangud.

Ljubov SIDOROVA

VOCABULARY OF TOTALITARIANISM: EVOLUTION OF THE TERM IN AMERICAN POLITICAL LITERATURE

Relying on American political science literature and using a multidisciplinary approach, the author attempts to reconstruct the biography of the term "totalitarianism". Conceptual and notional analysis of this social phenomenon is one of the trends in its discourse research, containing the investigation of the meaning of the term "totalitarianism" in historical and political contexts. Comparative analysis of its connotations in retrospect yields data for interpreting the scheme of changes which allows us to break political stereotypes and to make the comprehension of the so-called totalitarian regimes more effective for political science scholars and politicians. Perfect and precise definitions are also considered important.

In the 1920s the linguistic definition of the Roman regime as an "old-fashioned, traditional dictatorship" and "archaic totalitarianism" transforms into "absolute monopoly of authority" and "violent totalitarian force" picked up with Mussolini. In the 1930s the pattern changes and the term means "principally new type of authority". In the 1940s—1950s the range of its interpretation becomes wider and the term means the "principal weapon in American political science arsenal", applying to regimes conceived as totalitarian according to certain characteristics. The totalitarianism of the 1960s is defined as communist regime and it is regarded as scientific fantasy and theoretical construction, being thus a term semantically incorrect for the regimes it defines. The political language of this period bears strong connotations expressed mostly by adjectives showing social value estimates.

In the 1980s the term "totalitarianism" is paraphrased and means "post-totalitarian authoritarianism", "rational, present-day totalitarianism", "modern type of bureaucratic oligarchy", "denying itself totalitarianism", "eroded totalitarianism", "institutional pluralism", "limited pluralism", "failed totalitarianism". It is worth while stressing that the term is often omitted in the political language; and the regimes formerly defined as totalitarian are more often described as "societies with new technology of authority" and "mature totalitarianism without redundant terror".

On the basis of a short analysis of the biography of the term "totalitarianism" the author compiles a "mini-conceptual vocabulary". Terminological clusters are defined using three main topics: the notion of authority and its character, the notion of governing and its character, and the notion of social control and its character; within their boundaries augmentation of meaning occurs. Adjectives used in the terminology field in the context of social value schemes and nouns used as metaphors are also included in the vocabulary. Value orientations are clearly seen in the interpretation of the essence of totalitarianism in retrospect.